

Д. В. САМОТОВИНСКИЙ

ОН «ВЕРНЕТ МИР И ПОКОЙ ИСТЕРЗАННОМУ КОРОЛЕВСТВУ»: НАДЕЖДЫ ФРАНЦУЗСКОГО ГУМАНИСТА ЛУИ ЛЕ РУА НА КОРОЛЯ ГЕНРИХА III

Французский гуманист Луи Ле Руа (ок. 1510–1577)¹ большую часть своей жизни посвятил изучению древних языков и переводам древнегреческих авторов. В 1550-е гг. им были опубликованы переводы речей Исократы, Демосфена, фрагментов из Ксенофонта (1551), переводы платоновских диалогов «Тимей» (1551), «Федон» (1553), «Государство» (1, 2 и 10 книги; 1555), «Пир» (1558)². Тем самым гуманист желал познакомить французского читателя с лучшими образцами древнегреческого красноречия и философии, а также обогатить французский язык, подняв до уровня древнегреческого и классического латинского.

Обострение религиозного конфликта и начало полномасштабных Религиозных войн во Франции (1562–1598) определяющим образом сказались на его творчестве. Круг интересов гуманиста сузился до тематики, так или иначе связанной с Религиозными войнами и «искусством политики». В этот период увидели свет его сочинения «О раздорах и смутах, случающихся между людьми из-за различия мнений в религии» (1562), «Призыв к французам жить в согласии и наслаждаться благом мира» (1570), «О превосходстве монархического правления» (1575) и др.³

¹ О биографии Ле Руа см.: *Gundersheimer W. L. The Life and Works of Louis Le Roy*. Genève: Librairie Droz, 1966. P. 9–25; *Sciacca E. Umanesimo e scienza politica nella Francia del Cinquecento*. Loys Le Roy. Firenze: Olschki, 2007. P. 9–47; *Vuilleumier A. Pierre de la Ramée, Loys Le Roy: deux philosophes français au milieu du XVIe siècle // Revue des sciences philosophiques et théologiques*. 2019. Vol. 103. № 2–3. P. 329–347; *Самотовинский Д. В. Луи Ле Руа, или Ludovicus Regius, из Кутанса (портрет французского гуманиста XVI века) // Cursor mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения / отв. ред. В. М. Тюленев*. Иваново, 2009. Вып. 2. С. 173–188.

² О переводах 1550-х гг. см.: *Gundersheimer W. L. Op. cit.* P. 29–46; *Sciacca E. Op. cit.* P. 49–77.

³ О политической публицистике 1562–1575 гг. см.: *Richter B. L. O. The Thought of Louis Le Roy according to his Early Pamphlets // Studies the Renaissance*. 1961. Vol. 8. P. 173–196;

Одним из самых важных проектов Ле Руа в этот период был французский перевод «Политики» Аристотеля, вышедший в 1568 г.⁴ Аристотелевский трактат вдохновил гуманиста на собственный труд – «Историю политическую», который, однако, так и не был завершен⁵, как и менее амбициозная работа – «Рассмотрение монархий [...] или Монархия и о том, что требуется для ее учреждения и сохранения» (в 1570 г. был опубликован лишь пространственный план сочинения⁶). Кроме того, в течение нескольких десятилетий Ле Руа работал над полным переводом «Государства» Платона с обширными комментариями, но так и не успел опубликовать свой труд.

Этот краткий и далеко не полный обзор наглядно демонстрирует «политический поворот» в творчестве гуманиста, связанный с втягиванием Франции в затяжной период Религиозных войн. Этот период для Ле Руа был «трагическим веком»⁷ – эпохой бедствий, общественного раскола и кризиса государства. Исследователи справедливо видят в Ле Руа «умеренного» католика, «политика», который дистанцировался от радикалов с обеих сторон, призывал французов к миру, восстановлению религиозного единства мирными средствами под эгидой сильной королевской власти⁸.

Gundersheimer W. L. Op. cit. P. 59–92; *Sciacca E.* Op. cit. P. 141–163; *Magno L.* Apologie étatique et concorde religieuse. Sur quelques pamphlets de Loys Le Roy // Krypton. Identità, potere, rappresentazioni. Apologie. 2013. Vol. 1. P. 6–16.

⁴ О переводе «Политики» см.: *Gundersheimer W. L.* Op. cit. P. 47–57; *Sciacca E.* Op. cit. P. 134–140; Самотовинский Д. В. Судьба текста в судьбе гуманиста: работа Луи Ле Руа над французским переводом и комментариями к «Политике» Аристотеля // *Cursor mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения* / отв. ред. В. М. Тюленев. Иваново: Иван. Гос. ун-т, 2024. Вып. 15. С. 133–147.

⁵ Ле Руа упоминал об уже якобы написанной им «Histoire politique» в своих комментариях к «Политике»: *Aristote, Le Roy L.* Les Politiques d'Aristote, esuelles est monstrée la science de gouverner le genre humain en toutes espèces d'estats publics, traduites de grec en François, avec expositions prises des meilleurs auteurs... Paris: par Michel de Vasosan, 1568. P. 65, 791.

⁶ *Le Roy L.* Exhortation aux François pour vivre en concorde et jouir du bien de la paix... Project ou dessein du Royaume de France, pour en représenter en dix Livres l'estat entier, sous le bon plaisir du Roy. Les Monarchiques de Loys Le Roy, ou de la Monarchie et des choses requises à son établissement et conservation... Paris: Frédéric Morel, 1570. F. 77r–128r.

⁷ «Ce siècle tragique» – выражение самого Ле Руа (*Le Roy L.* Au Roy Treschrestien Charles IX. de ce nom // *Le Roy L.* Consideration sur l'histoire françoise, et l'universelle de ce Temps, dont les merveilles sont succinctement recitées. A Tresvertueuse et Excellente Dame Madame Catherine Roynne de France, Mere du Roy treschrestien Charles IX de ce nom... Paris: Frédéric Morel, 1567. F. 19v).

⁸ *Richter B. L. O.* Op. cit. P. 173–196; *Beame E. M.* The Limits of Toleration in Sixteenth-century France // *Studies in the Renaissance.* 1966. Vol. 13. P. 261; *Gundersheimer W. L.* Op. cit. P. 67–83; *Duclos M.-L.* Louis Le Roy, entre monarchie mixte et absolutisme ou l'idéal à l'épreuve des guerres de Religion // *Cahiers poitevins d'Histoire du droit.* 2007. №1. P. 51–70; *Sciacca E.* Op. cit. P. 141–163; *Falkovskaya I.* L'irénisme de Louis Le Roy. Entre philosophie grecque et réalité française // *Les dialogues interreligieux* / ed. par N. Breton et al., Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2018. P. 107–118; *Magno L.* Op. cit. P. 6–16; *Crescenzo R.* Sébastien Castellion et Loys Le Roy: deux approches raisonnées de la violence interconfessionnelle au début des guerres de

Действительно, королевская власть, пусть и ослабленная, была единственным институтом, способным восстановить во Франции мир. Ле Руа так определял задачи короны в условиях конфликта: «Бог лишь попускает твориться такому беспорядку в нынешние времена. Дабы его преодолеть, надлежит, прежде всего, чтобы король со своим советом как можно скорее устранил причины этих смут и раздоров, держа все партии королевства в единстве и примиряя ради общего блага словно в некоей истинной гармонии, дабы ни одна не превзошла другую сверх меры и не нанесла вреда общей пользе. [...] Также, чтобы подданные, которые столь длительное время имели славу неизменно верных, приверженных, преданных своему природному господину и суверену, не ища новшеств и перемен, оставив ныне все пристрастия и забыв обиды, которые могли случиться, вернулись бы к своему прежнему единству согласию и дружбе, представляя собой, как сказано в Евангелии, одно стадо, ведомое одним Богом и одним королем, [живущее] в одной вере и в едином государстве [...] Иначе, если французы длительное время пребывают разделенными на партии, ведут образы жизни противные друг другу и не согласуют все свои действия ради благой и высшей цели, они могут ожидать лишь повсеместного разорения своей страны и жалкого крушения, или ужасной перемены в государстве...»⁹.

Видя в королевской власти единственную силу, способную положить конец конфликту, Ле Руа, конечно же, размышлял о тех юных королях и их наследниках из династии Валуа, которым выпало жить и править в этот «трагический век». Находясь большую часть времени при дворе¹⁰, Ле Руа имел возможность оценивать их способности и шансы добиться в королевстве прочного мира. Особые надежды гуманист связывал с Генрихом де Валуа (1551–1589) – герцогом Анжуйским (1566–1574), вероятным наследником престола¹¹, взошедшем на трон Франции под именем Генриха III (1574–1589). Именно отношение Ле Руа к Генриху будет в центре нашего внимания. Но, поскольку это отношение проясняется лишь в сравнении с теми оценками, которые гуманист давал последним Валуа, мы сперва рассмотрим его отношение к Карлу IX.

religion // *Savoirs en lien* [Online]. 2022. № 1. URL: <http://preo.ube.fr/sel/index.php?id=226> (consulté le 2 février 2025).

⁹ *Aristote, Le Roy L. Les Politiques...* P. 569–571.

¹⁰ Луи Ле Руа находился при дворе с 1540 г., служил личным секретарем при канцлерах Гийоме Пуайе (1473–1545) и Франсуа Оливье (1487–1560), имел возможность лично общаться с Шарлем, кардиналом Лотарингским, Екатериной Медичи. В период Религиозных войн, видимо, имел покровительство со стороны государственных секретарей – Клода де Л'Обеспина и Николая де Нефвиля.

¹¹ Генрих Анжуйский был первым в очереди на престол при условии, что у Карла IX не будет мужского потомства. Поскольку Карл IX не отличался крепким здоровьем, можно было рассчитывать, что очередь Генриха подойдет скоро.

Карл IX – король, так и не созревший для трона

О королях, царствовавших в преддверии и в начале Религиозных войн, Ле Руа, по понятным причинам, никогда не говорил как о самостоятельных и дееспособных монархах. В обстановке обостряющегося конфликта после внезапной гибели Генриха II (1547–1559) на престол Франции возшел Франциск II (1559–1560), которому было 15 лет. Хотя король считался совершеннолетним, он явно не созрел для самостоятельного правления и не обладал тем авторитетом, который имел его покойный отец. Реальная власть сосредоточилась в руках Гизов¹².

Карл IX (1560–1574), в правление которого начались Религиозные войны, стал королем в 11 лет и находился под опекой регентши – королевы-матери Екатерины Медичи¹³. После того как в августе 1563 г. он был объявлен совершеннолетним, королева-мать сохранила над ним контроль. Несмотря на робкие попытки эмансипации, Карл IX, видимо, так и не стал полностью самостоятельным правителем¹⁴.

Недееспособность совсем еще юных королей не была секретом для Ле Руа и его современников. Затронув однажды тему истоков Религиозных войн, гуманист констатировал, что «ужасные потрясения во всем королевстве», начавшиеся после злосчастной гибели Генриха II, произошли «из-за смены религии, амбиций знати и двух еще незрелых королей, которые, очевидно, по возрасту не годились для правления»¹⁵.

В 1567 г., когда Карлу IX исполнилось 17 лет, Ле Руа впервые посвятил ему сочинение, – свой перевод «Государства» Платона. Правда, труд еще не был завершен: опубликовано было лишь предисловие-посвящение, служившее своеобразным анонсом и обещанием будущего издания¹⁶. Это предисловие-посвящение, датированное июнем¹⁷, позволяет понять, воспринимал ли Ле Руа повзрослевшего Карла IX как короля, способного править расколотой Францией, уберечь ее от скатывания в очередную войну.

Выражая лояльность монарху, воздавая хвалу его качествам как правителя, Ле Руа противопоставлял его предшественникам на троне, в отличие от которых он не вел армии в далекие страны вплоть до Туниса, Египта и Сирии, не вел войны с Англией, Германией, Италией,

¹² Holt M. P. *The French Wars of Religion, 1562–1629* / 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 42.

¹³ Ibidem. P. 45.

¹⁴ Шишкин В. В. В тени королевы матери? Итинерарии Карла IX Валуа // Путешествия европейских правителей в XVI–XVII веках / под ред. В. В. Шишкина. СПб.: Наука, 2024. С. 134.

¹⁵ *Ludovici Regii Constantini Orationes duae habitae Parisiis mense Octobri, 1575...* Lutetiae: ex officina Federici Morelli, 1575. F. 12v: ...ob commutationem religionis, ob ambitionem procerum, & impuberes adhuc reges duos, qui nondum per aetatem idonei ad regendum videbantur.

¹⁶ Перевод «Государства» Платона увидел свет лишь посмертно, в 1600 г.

¹⁷ *Le Roy L. Au Roy Treschrestien Charles IX...* F. 20v.

Испанией, не искал чужих земель, но заботился о собственном королевстве и подданных, о чем свидетельствовало недавнее так называемое «Большое путешествие» (1564–1566)¹⁸. Это поездка преподносилась как героическое деяние, совершенное вопреки опасностям и препятствиям (мор, охвативший некоторые провинции королевства, суровая зима, бурные разливы рек). объезжая Францию, король непосредственно исполнял свой долг – вершил суд, выслушивал жалобы сословий, улаживал вопросы религии и проч.¹⁹

Однако похвала Карлу IX завершалась похвалой королеве-матери, Екатерине Медичи, которая фактически направляла все действия короля-сына. Все заслуги юного монарха, по словам Ле Руа, следовало «приписать в первую очередь Богу, который руководит сердцами королей, затем доброте вашей природы и добродетельному воспитанию, ведомому королевой, Вашей высокочтимой Матерью, превосходящей других дам предусмотрительностью и мудростью не меньше, чем она превосходит их достоинством и почетом, которая с ранних лет направляла Вас в этой похвальной манере править...»²⁰.

Воздавая похвалу королеве-матери, Ле Руа невольно демонстрировал пассивность молодого Карла IX. Соответственно, относительно слабым был педагогический посыл обращения к королю. Словно не надеясь на результат, Ле Руа не слишком стремился убедить своего адресата в важности для него античной политической мудрости как средства самосовершенствования: «Хотя, Сир, Вы уже довольно сами наставлены в том, что касается вашего правления, и имеете возле себя немалое число лиц, превосходных в науках и в делах войны, которые служат Вам в управлении делами мира и войны и в иных государственных делах, все же я подумал, что Ваше Величество не сочтет худым, если я представлю ему кое-какие наставления на этот счет, взятые из политических трудов Платона и Аристотеля, прославленных философов, переведенных мною с греческого на французский, полагая, что, когда бы эти ученые мужи воскресли, они сочли бы себя счастливыми иметь возможность развить прекрасные начала природы и фортуны, которые Бог Вам уготовал, чтобы сделать Вас величайшим королем нашего времени»²¹. Генрих Анжуйский, которому Ле Руа посвятил перевод «Политики» Аристотеля, удостоился гораздо более мотивирующего обращения, как мы покажем далее.

Ле Руа написал свое предисловие-посвящение в межвоенный период. Вскоре Франции пришлось пережить Вторую (1567–1568) и Третью (1568–1570) Религиозные войны. Сочинения, которые Ле Руа адресовал

¹⁸ О «Большом путешествии» см.: *Champion P. Catherine de Médicis présente à Charles IX son royaume (1564–1566)*. Paris: Grasset, 1937.

¹⁹ *Le Roy L. Au Roy Treschrestien Charles IX...* F. 17r–18r.

²⁰ *Ibidem*. F. 18r–v.

²¹ *Ibidem*. F. 18v–19r.

Карлу IX в это время, позволяют судить о том, рассматривал ли гуманист этого короля как деятельную фигуру, игравшую существенную роль в умиротворении королевства.

В конце Второй Религиозной войны (февраль 1568 г.), Ле Руа в предисловии-посвящении к переводу речей Исократы выражал надежду, что Бог, «имея жалость к этому королевству [...] избавит его в очередной раз от бедствий, которые его гнетут сегодня, обратив злосчастный раздор, в который оно впало, в дружеское согласие и ужасную бурю гражданской войны, которая его непомерно терзает, в мирное упокоение»²². Сразу после окончания Третьей Религиозной войны (август 1570 г.), обращаясь к Карлу IX в предисловии к «Призыву к французам жить в согласии и наслаждаться благом мира», он писал, что недавний Сен-Жерменский мир был заключен «по милости Божией и Вашему милосердию», и поскольку Богу «недавно было угодно Вам внушить задуматься о мире, желаемом всеми»²³. Эти благочестивые ссылки на Бога, обычные в таких случаях, конечно, сами по себе не могли умалять роли короля в достижении мира. Однако стоит заметить: ничто в приведенных нами выдержках не указывает на Карла IX как субъекта действия или даже решений. В то же время в случае с Генрихом III Ле Руа всегда представлял наступление благотворных для королевства перемен как результат его решений и действий, признавая, конечно, определяющую роль Божественного провидения.

Если Ле Руа не рассматривал Карла IX как самостоятельную и деятельную фигуру, то он лишь выражал расхожее мнение. Современники отмечали, что король не слишком интересовался государственными делами, хотя терпеливо выслушивал доклады на заседаниях Королевского совета. Он с интересом внимал рассказам о воинских подвигах и мечтал о собственных. Любимыми его занятиями была верховая езда, упражнения с оружием и охота²⁴. В последние годы жизни Карл IX писал трактат «Об охоте на оленя», но не успел его завершить²⁵. Ле Руа был одним из тех, кто поставлял ему материал для этого сочинения. По повелению короля он перевел с латинского на французский отрывок из «Филологии» Гийома Бюде, посвященный охоте²⁶. В предназначенной Карлу IX рукописи

²² *Le Roy L.* Les Enseignemens d'Isocrates et de Xenophon auteurs anciens très excellens pour bien regner en paix et en guerre, traduits de grec en François par Loys Le Roy, dict Regius de Costentin, au Roy très chretien Charles IX. Paris: Michel de Vascosan, 1568. P. 3–4.

²³ *Le Roy L.* Exhortation aux François... F. 2v.

²⁴ *Champion P.* Charles IX, la France et le contrôle de l'Espagne: 2 t. T. 1. Paris: Éditions Bernard Grasset, 1939. P. 49–50.

²⁵ Незавершенный трактат сначала ходил в списках, впервые был опубликован в 1625 г. Критическое издание: [*Charles IX*] *Livre du roy Charles de la Chasse du Cerf* / éd. H. Chevreul. Paris: chez Auguste Aubry, 1859.

²⁶ Критическое издание рукописи: *Budé G.* Traitté de la vénerie... traduit du latin en François par Loys Le Roy, dict Regius... / publié pour la première fois, d'après le manuscrit de l'Institut, par Henri Chevreul. Paris: A. Aubry, 1861.

перевода Ле Руа всячески выражал свое восхищение таким «редкостным и необычайным начинанием, достойным великого государя»²⁷. Но был ли искренен гуманист в своем восхищении? Такой ли наукой, с его точки зрения, надлежало заниматься королю в тот момент, когда его королевство переживало свой «трагический век»?

Генрих Анжуйский – наследник престола, на которого «надеется Франция»

Впервые Ле Руа посвятил свой труд Генриху Анжуйскому также в 1567 г., когда тому было 16 лет. Это был перевод «Политики» Аристотеля. Правда, опубликовано было лишь предисловие-посвящение – сам перевод вышел в следующем году. В XVI в. «Политика» пользовалась беспрецедентной популярностью и зарекомендовала себя как настоящее пособие для государей. Только во Франции вышли сразу несколько новых латинских переводов трактата – Жака-Луи д'Эстребе (1542), Жоашима Перьона (1543), Хуана Хинеса де Сепульведа (1548), Дени Ламбена (1567), затмивших перевод Леонардо Бруни (ок. 1438)²⁸. Ле Руа перевел «Политику» на французский, снабдив обширными комментариями, в которых привел «бесчисленные примеры, древние и современные, взятые из истории империй, королевств, сеньорий и республик»²⁹.

Особенностью предисловия-посвящения, адресованного Генриху Анжуйскому, был сильный педагогический посыл – стремление побудить юного принца, вероятного наследника престола, к освоению науки правления. Ле Руа начал с похвалы незаурядным дарованиям Генриха, развитым благодаря «добродетельному воспитанию». Такое редкостное сочетание выдающихся задатков и воспитания, явно имевшее не случайный, а божественный характер, было залогом формирования в будущем личности исключительной и выдающейся, предназначенной для великих дел. «Эти условия, – писал Ле Руа, – редко встречаются вместе, но, когда они соединяются должным образом, они порождают особу совершенную и восхитительную, такую, какие были среди древних, которых мы столь уважаем и высоко чтим сегодня. Это [сочетание] должно приписывать великой удаче и божественному покровительству, и [оно] более требуется государям, нежели кому-либо, поскольку они рождены и предназначены к заведованию наиважнейшими делами этого мира и поскольку от их

²⁷ Ibidem. P. iii.

²⁸ О переводах и изданиях «Политики» в XVI в. см.: *De Smet I. Philosophy for Princes: Aristotle's Politics and its Readers During the French Wars of Religion // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 2013. Vol. 76. P. 23–47.

²⁹ *Aristote, Le Roy L. Les Politiques...* P. 541. Первый перевод «Политики» на французский (правда, с латинского перевода Вильяма из Мёрбеке) был выполнен еще Николаем Оремом в 1370–1374 гг. Он был напечатан единственный раз в 1488 г. в Париже, став в XVI в. библиографической редкостью.

воспитания и наставления зависят доброе обращение с подданными, спокойствие стран, сохранение государств. Эта удача, Монсеньор, столь известна за вами, как ни за каким иным юным принцем нашего времени»³⁰.

Говоря о воспитании Генриха, Ле Руа отмечал: «[...] Вы были заботливо вскормлены в науках, которые Вы любите, во всех похвальных занятиях в соответствии с вашим достоинством, имея постоянно подле себя сеньора Карнавале, мудрого и добродетельного шевалье, для наставления вашей юности и для воспитания»³¹. Франсуа де Керневенуа, сеньор де Карнавале (ок. 1520–1571), о котором идет речь, был назначен гувернером и ординарным распорядителем двора Генриха, в то время герцога Орлеанского, в 1564 г.³² Он сделал военную карьеру во время Итальянских войн, руководил школой верховой езды в Париже, где обучался цвет французского дворянства и знатные иностранцы. Карнавале воспитывал принца прежде всего в военно-аристократическом духе, хотя сам был не чужд культуры Ренессанса³³.

Образование Генриха Анжуйского нельзя было назвать блестящим: латинский язык, например, он знал плохо³⁴. Но современники отмечали, что принц имел живой ум, хорошую память и интерес к чтению³⁵. В библиотеке Генриха де Валуа были книги на французском, итальянском и латинском языках, посвященные вопросам религии, истории, политики, военного дела, воспитания придворного³⁶.

В целом современному читателю трудно не предположить, что похвала дарованиям и воспитанию Генриха Анжуйского содержит элемент неприкрытой лесты. Не будем исключать этого. Однако следует иметь в виду, что чрезмерная похвала в культуре гуманизма не рассматривалась однозначно как лесть. В ней могли видеть способ побудить воспитанника (правителя)

³⁰ *Le Roy L. A Monseigneur le Duc d'Anjou et de Bourbon, Conte de Forestz, frere du Roy treschrestien Charles IX. de ce nom, chef de son conseil et Lieutenant general de sa Majesté // Le Roy L. Consideration sur l'histoire françoise, et l'universelle de ce Temps, dont les merveilles sont succinctement recitées. A Tresvertueuse et Excellente Dame Madame Catherine Royné de France, Mere du Roy treschrestien Charles IX de ce nom...* Paris: Frédéric Morel, 1567. F. 24r.

³¹ *Ibidem.* F. 24r–v.

³² *Le Roux N. La faveur du roi : mignons et courtisans au temps des derniers Valois (vers 1547–vers 1589).* Seyssel: Éditions Champ-Vallon, 2000. P. 104.

³³ *Ibidem.* P. 104–105. Он был знаком с некоторыми поэтами и гуманистами, в том числе с Пьером Ронсаром, который воспел его как воина и совершенного наездника, славил его мудрость и образованность, покровительство поэтам при дворе, а также воспитание, которое он дал Генриху (*Ibidem.* P. 105–106).

³⁴ *Knecht R. J. Hero or Tyrant?: Henry III, King of France, 1574–89.* Burlington: Ashgate, 2014. P. 13.

³⁵ *Ibidem.* P. 123. Воспитателем Генриха (как и его старшего брата Карла) в 1557 г. стал Жак Амю (см.: *Adler A. Jacques Amyot, Preceptor of Two Kings // Renaissance News.* 1957. Vol. 10. Issue 3. P. 131–139). Два десятилетия спустя Амю весьма лестно отзывался о своем бывшем подопечном (на тот момент уже короле Генрихе III), утверждая, что у него был такой же острый ум, как и у его деда – Франциска I, но больше прилежания (*Knecht R. J. Op. cit.* P. 8).

³⁶ *Knecht R. J. Op. cit.* P. 124.

к самосовершенствованию. Марсилио Фичино, превозносивший достоинства Лоренцо Великолепного, признавался своему покровителю, что делал это из искренней любви, и «чтобы направлять Вас и в то же время поощрять»³⁷. По словам Эразма Роттердамского, подлинные панегирики предназначены, чтобы «дурных правителей – исправить, добрых – усовершенствовать, грубых научить, поправить заблуждающихся, подбодрить слабых, а самых безнадежных хотя бы пристыдить». Сам апостол Павел использовал «благочестивую лесть»: «восхвалял, чтобы исправить».³⁸

В предисловии-посвящении, обращенном к Генриху Анжуйскому, похвала явно играла роль стимула, была призвана ободрить юношу на пути совершенствования себя, дабы «стать государем, совершенным во всякой добродетели». Ведь, обладая столь благоприятными предпосылками, ему, как никому другому, имело смысл «упорствовать, постоянно продвигаясь от хорошего к лучшему, что Вы будете делать, как надеется Франция»³⁹.

Ле Руа предлагал принцу три средства «стать государем, совершенным во всякой добродетели»: «Истинный способ этого достичь – приучиться с ранней юности разбираться и управлять [государственными] делами, как вы начали делать, Монсеньор, в Королевском совете [...]; далее, слушая [истории] о выдающихся делах и славных предприятиях отважных древних [полководцев], дабы помочь себе примерами; и просматривая книги, благодаря которым узнаете способу хорошо править людьми и тому, каким должен быть тот, кто предназначен ими повелевать»⁴⁰. Первый способ самосовершенствования – практический – Генрих Анжуйский уже начал использовать, участвуя в делах Королевского совета. Отныне Ле Руа предлагал ему воспользоваться третьим способом – чтением политических трудов Платона и Аристотеля, которые он перевел и снабдил комментариями. Как мы отмечали, Ле Руа не очень настойчиво рекомендовал Карлу IX ознакомиться с политической философией древних, как если бы не слишком рассчитывал на успех. Напротив, предисловие-посвящение, адресованное Генриху Анжуйскому, завершалось сильным обоснованием важности для принца, будущего короля, предложенных политических трактатов: «Несомненно, что, соединив чтение этих превосходных авторов с вашими природными способностями и добродетельным воспитанием и пустив в употребление то, о чем прочитано, в соответствии с обстоятельствами и требованиями момента, Вы станете более полезным своей стране и любимым теми, которыми вы повелеваете, и более славным во всем мире»⁴¹.

³⁷ Rees V. Quo vertam oculos utte laudem: Aspects of praise in Ficino's writing // *Laus Platonici Philosophi: Marsilio Ficino and His Influence* / Ed. by S. Clucas, P. J. Forshaw, V. Rees. Leiden; Boston: Brill, 2011. P. 50.

³⁸ Софронова Л. В., Хазина А. В., Куликов А. О. Письмо Эразма Роттердамского Жану Дезмарэ // Преподаватель. XXI век. М., 2014. С. 263–264.

³⁹ *Le Roy L. A Monseigneur le Duc d'Anjou...* F. 24v.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Ibidem. F. 29r.

Есть основания полагать, что перевод «Политики» пригодился Генриху Анжуйскому, о чем оставил интересное свидетельство Ги Дю Фор де Пибрак (1529–1584), его канцлер во время польской эпопеи. Следуя вместе со своим господином по территории Священной Римской империи в Польшу, он сообщал Екатерине Медичи в письме от 21 декабря 1573 г.: «...Всю дорогу он занимается двумя вещами: размышляет над польскими делами [...] и слушает мои рассуждения, которые я высказываю в связи с «Политикой» Аристотеля, которая есть наука о Государстве и правлении, благодаря которой короли познают суть своих обязанностей и долга, и о том, как поддерживать и приумножать свое царственное достоинство с честью и справедливостью. От этого, Мадам, его Величество получает такое великое удовольствие, что никогда не устает слушать [...], ибо я стараюсь дополнять политические предписания самыми прекрасными и похвальными примерами из историй греческих, латинских и французских, которые могу припомнить, делая из рассуждений заключения и соотнося их, все же, с тем, что соответствует нашей вере и христианской религии. Король иногда берет на себя труд пересказать то, что он услышал, а поскольку у него превосходная память, мало что ускользает от него»⁴². Вероятно, в письме королеве-матери Пибрак умолчал, что, преподнося уроки ее сыну, пользовался французским переводом «Политики» Ле Руа и многочисленными историческими примерами, которыми изобиловали комментарии к переводу.

В 1570 г. Ле Руа посвятил Генриху еще не написанный труд «Рассмотрение монархий, или О Монархии и о том, что требуется для ее учреждения и сохранения, вместе со сравнением самых славных в мире царств и империй, древних и современных», опубликовав предисловие-посвящение и обширный план будущего сочинения. Это сочинение должно было помочь молодому принцу «узнать, какие [монархии] были лучше основаны, руководимы и управляемы, каковы были причины их сохранения или гибели и важнейших перемен, в них происходивших»⁴³.

В предисловии-посвящении Ле Руа хвалил деяния Генриха Анжуйского, которые он уже успел совершить в столь юном возрасте, уподобляя его знаменитому Публию Корнелию Сципиону Африканскому Старшему (235–183 гг. до н. э.)⁴⁴, победителю Ганнибала, избранному римским народом на должность эдила за выдающиеся заслуги, не достигнув при этом необходимого возраста⁴⁵. Ле Руа отметил победы принца при Жарнаке и Монконтуре (1569), «которые Бог даровал королю чрез ваше предводительство»⁴⁶. Конечно, Генрих не имел военного опыта, руководству-

⁴² Цит. по: *Cabos A.* Guy du Faur de Pibrac, un magistrat poète au 16e siècle (1529–1584). Paris: Champion, 1922. P. 151.

⁴³ *Le Roy L.* Exhortation aux François... F. 80r–v.

⁴⁴ Liv. XXV. 2, 7.

⁴⁵ *Le Roy L.* Exhortation aux François... F. 78r–v.

⁴⁶ *Ibidem.* F. 80v.

ясь советами опытных военачальников, но в глазах католиков героем был именно он, и впрямь проявивший энергию, смелость и умение сносить неудобства и тяготы полевых условий⁴⁷.

Хваля заслуги принца, Ле Руа имел ввиду более широкое поле деятельности, нежели война. Он подчеркивал, что король вручил Генриху как генеральному наместнику королевства немалые полномочия, «передав Вам большую часть своих дел⁴⁸, касающихся мира и войны, управления своим государством»⁴⁹. Отмечая заслуги принца на административном поприще, Ле Руа опять же не расходился в этом с другими наблюдателями при дворе. В феврале 1570 г. посол Испании Франсес де Алава сообщал в письме Филиппу II, что в то время, как король Карл IX демонстрирует поведение преимущественно детское, думая о развлечениях, Генрих Анжуйский участвует в работе Королевского совета и осваивает государственные дела⁵⁰.

Заслуги Генриха Анжуйского, по словам Ле Руа, «возбудили во всех подданных всех сословий удивительную надежду на будущее», веру в то, что он совершит великие дела «к своей чести, ко благу Франции и общей пользе христианского мира»⁵¹. Какого рода надежды имел ввиду Ле Руа? Можно предполагать, что речь шла о прекращении Религиозных войн и установлении прочного мира. Во всяком случае, именно такие ожидания Ле Руа связывал с королем Генрихом III.

Генрих III – король, который может спасти Францию

Генрих Анжуйский был провозглашен королем Франции под именем Генриха III сразу после кончины Карла IX – 30 мая 1574 г. Правда, на тот момент он уже носил польскую корону и находился в Кракове. Чтобы занять трон *de facto*, ему потребовалось бежать из Польши. В сентябре этого же года он вступил на французскую землю, охваченную Пятой Религиозной войной (1574–1576). В декларации от 10 сентября (Лион) он заявил, что намеревается установить в королевстве мир и порядок, обещая использовать не насилие, а «мягкость и милосердие, стараясь добротой вернуть сердца своих подданных к повинновению, которое они ему должны [оказывать], и примирить вместе в добром единстве и согласии их воли, разобщенные и разделенные»⁵².

⁴⁷ *Knecht R. J. Op. cit. P. 39.*

⁴⁸ *Le Roy L. Les Monarchiques... F. 78v.*

⁴⁹ *Ibidem. F. 79r.* 12 ноября 1567 г., в день смерти коннетабля де Монморанси, Генрих Анжуйский был назначен королем главой Королевского совета и генеральным наместником королевства (*Le Roux N. Op. cit. P. 125*).

⁵⁰ *Boucher J. Société et mentalités autour de Henri III. Paris: Champion, 2007. P. 57.*

⁵¹ *Le Roy L. Exhortation aux François... F. 81r.*

⁵² [*Henry III*] *Declaration du Roy pour faire entendre son intention & volonté enuers ceulx qui par cy-deuant se sont esleuez, & ont pris les armes, ou se sont absentez de ce Royaume: & qui se voudront à present disposer à recevoir grace de sa Maiesté. Paris: par Federic Morel, 1574. (нет нумерации стр.)*

Ле Руа приветствовал возвращение Генриха, связывая с ним надежды на установление во Франции прочного мира и согласия. В 1574 г. в своей инаугурационной речи по случаю вступления в должность королевского лектора греческого языка (был назначен еще Карлом IX) Ле Руа затронул тему пагубности Религиозных войн и упомянул Генриха III, «который недавно начал править и который, мы надеемся, восстановит сокрушенную и пошатнувшуюся религию, вернет мир и покой истерзанному королевству и не только своим покровительством поднимет и распространит свободные дисциплины, но также поощрит щедростью славные занятия мужей, выдающихся добродетелью и ученостью»⁵³. Таковы были ожидания от нового короля, который, как показывали его былые заслуги, был способен на решения и действия, приносявшие значимые плоды.

Весной 1575 г. Ле Руа опубликовал сочинение «О превосходстве монархического правления», в котором один из разделов назывался «О христианнейшем короле Генрихе Третьем»⁵⁴. Чтобы понять авторский замысел труда, необходимо рассмотреть ситуацию, сложившуюся во Франции. Как мы уже говорили, король вступил на французскую землю в сентябре 1574 г., во время Пятой Религиозной войны. Южные и юго-западные провинции королевства находились под контролем конфедерации гугенотов и примкнувших к ним «недовольных» – дворян-католиков во главе с губернатором Лангедока Генрихом де Монморанси-Данвилем, правившим областью словно независимый правитель⁵⁵.

В частном письме от 1 октября 1574 г. к сьеру де Лангюйеру он также писал, что желает действовать «единственно мягкостью и милосердием», и обещал быть своим подданным отцом и пастырем, если они выкажут ему повиновение, как он требовал в вышеупомянутой декларации (*Knecht R. J.* Op. cit. P. 101; *Шевалье П.* Генрих III. М.: ТЕРРА, 1997. С. 407).

⁵³ *Ludovici Regii Constantini Prolegomena politica. Inter quae prima est oratio ab eo habita Parisiis initio professionis regiae, in enarratione Politicorum Aristotelis... Lutetiae: Ex officina Federici Morelli, 1575. F. 8V: ...qui nuper regnare cepit, quique ut optamus religionem convulsam et labefactatam constituet, afflicto regno pacem et otium reddet, liberalisque disciplinas non suo tantum patrocinio augebit et amplificabit, sed etiam praestantium virtute et literis virorum studia liberalitate eximia excitabit.*

⁵⁴ *Le Roy L.* De l'excellence du Gouvernement royal. Avec exhortation aux François de perseverer en iceluy, sans chercher mutations pernicieuses. Paris: Frédéric Morel, 1575. F. 15r–20r. Исследователи мало интересовались этим разделом сочинения, который, по выражению Э. Шапки, «не предлагает интерпретатору каких-либо значимых элементов для реконструкции политической мысли Ле Руа, за исключением подтверждения его верности дому Валуа и стремления поддержать притязания Генриха с 1573 г. на престол» (*Sciaccia E.* Op. cit. P. 153). В. Гундершеймер видел в похвалах Генриху III лишь желание отблагодарить династию Валуа за оказанные милости, а также выражение наивных упований на монарха, который явно им не отвечал (*Gundersheimer W. L.* Op. cit. P. 81, 83). P. 67–83; *Duclos M.-L.* Louis Le Roy, entre monarchie mixte et absolutisme ou l'idéal à l'épreuve des guerres de Religion // *Cahiers poitevins d'Histoire du droit.* 2007. № 1. P. 51–70;

⁵⁵ *Sutherland N. M.* The Huguenot Struggle for Recognition. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1980. P. 222–223; *Knecht R. J.* Op. cit. P. 101–103.

Генрих III намеревался установить в королевстве мир и порядок, обещая использовать «мягкость и милосердие», но при этом он желал мира на своих условиях. Поэтому безоговорочное повиновение было его первым требованием. Однако гугеноты и Данвиль, формально признавая власть короля, отказали в безусловном повиновении, не доверяя монарху и рассчитывая, что предварительно будут учтены их религиозные и политические интересы⁵⁶. Более того, по королевству циркулировали сочинения гугенотов, призывавшие восстановить во Франции некий исконный строй, при котором короли выбирались и полностью контролировались Генеральными штатами, представлявшими суверенный «народ»⁵⁷. Так и не восстановив королевскую власть на юге страны, Генрих III короновался в Реймсе 13 февраля 1575 г.⁵⁸ В это же время на политической ассамблее в Ниме гугеноты завершили организацию своей конфедерации и укрепили союз с Данвилем и его сторонниками⁵⁹.

В своем сочинении «О превосходстве монархического правления», написанном как раз в феврале 1575 г.⁶⁰, Ле Руа решал три основные задачи, соответствовавшие главным вызовам королю и королевской власти как таковой: 1) убедить гугенотов в недопустимости создания республиканской конфедерации, что означало, по его мнению, политическое расчленение Франции и разрушение ее исконного монархического строя⁶¹; 2) развенчать политические проекты гугенотов (прежде всего Франсуа Отмана)⁶²; и, наконец, 3) внушить французам необходимость повиновения новому королю – не только в силу его несомненных прав на престол, но и в силу его «добродетели», способности спасти Францию от войн и распада, «надеясь, что с его возвращением и коронацией дела будут быстро приведены в лучшее состояние»⁶³. Именно решению этой задачи и был посвящен раздел о Генрихе III.

Ле Руа был уверен, что новый король несет во Францию мир, который желает установить «скорее путем соглашения (composition), нежели кровопролития»⁶⁴, т. е. не благодаря победе одной из партий и уничтожению другой. Речь также шла о том, что король желает вернуть гугенотов

⁵⁶ *Knecht R. J.* Op. cit. P. 101–102; *Шевалье П.* Указ. соч. С. 406–411.

⁵⁷ *Эльфонд И. Я.* Тираноборцы. (Из истории французской политической мысли XVI в.) Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991; *Mellet P.-A.* Les traités monarchomaques: confusion des temps, résistance armée et monarchie parfaite, 1560–1600. Genève: Droz, 2007.

⁵⁸ *Knecht R. J.* Op. cit. P. 103–104.

⁵⁹ *Sutherland N. M.* Op. cit. P. 223–224.

⁶⁰ Королевская привилегия была выдана 5 марта 1575 г. К этому времени сочинение могло находиться уже в печати, по крайней мере оно было написано. Если учесть, что, как сказано в той же привилегии, произведение было сочинено «в малые дни», то февраль выглядит наиболее вероятным временем его написания.

⁶¹ *Le Roy L.* De l'excellence... F. 20r–25v.

⁶² *Ibidem.* F. 25v–40v.

⁶³ *Ibidem.* F. 19v.

⁶⁴ *Ibidem.* F. 19r.

в лоно матери-церкви путем убеждения и поддерживать истинную веру «не столько силой оружия, сколько авторитетом Священного Писания, правильно истолкованного. [...] Упорствуя в этом, он более всего желает привести своих подданных к доброму единству, достаточно уже узнав на опыте, сколько горестей и бедствий с неизбежностью происходит от гражданских войн»⁶⁵. Ле Руа был убежден, что повинование соотечественников такому королю является необходимым условием наступления мира: «И лишь тогда они [французы] станут поистине свободными, когда все повсеместно будут ему повиноваться от чистого сердца и с искренней любовью, вновь обрета под его счастливым предводительством столь желанный мир, как внутренний, так и внешний...»⁶⁶.

Стремясь побудить французов к безусловному доверию и повинованию Генриху III, Ле Руа представил его не просто как доброго короля, желающего мира, но как монарха совершенно исключительного, который, вероятно, относится к тем великим правителям, которым Бог даровал способности и особое покровительство, дабы они правили во благо человеческого рода, устанавливая мир, справедливость, благочестие и процветание. Увидев в Генрихе именно такого короля, французы должны были полностью верить ему свою судьбу во всем. «Аристотель утверждает, – обращался Ле Руа к соотечественникам, – что царская власть есть наилучшее государственное устройство, при условии, что найдется царь, соответствующий такому достоинству, который выдается знатностью рода, красотой и крепостью тела, силой ума, будучи столь добродетельным, что его добродетель превосходит таковую всех остальных настолько, насколько душа превосходит тело, а человек – скотов. Тогда было бы справедливо и разумно, чтобы этот человек, так охарактеризованный, единолично распоряжался царством, имея абсолютную власть во всем пожизненно, и чтобы все ему повиновались за совесть»⁶⁷. Таковы, по моему мнению, были Нин, Сесострис, Кир, Александр, Юлий Цезарь, Октавиан Август, Константин, Карл Великий, Тамерлан⁶⁸ и другие подобные им, превосходившие [прочих] государей добродетелью, удачей и славой; каковые, должно

⁶⁵ Ibidem. F. 18r.

⁶⁶ Ibidem. F. 40v.

⁶⁷ Вольный парафраз фрагмента «Политики» Аристотеля: Arist. Pol. III. 12–13: 1288a 15–25.

⁶⁸ Нин – в античной традиции древний ассирийский царь, создатель первой великой империи (Just. Epit. I. 1. 4–9; Diod. II, 1–6). Сесострис – в античной традиции древний египетский царь, создатель Египетской державы (Diod. I. 53–58). Тамерлан (1336–1405) – тюрко-монгольский завоеватель, основатель империи Тимуридов, нанес поражение туркам-османам (1402) и этим спас Константинополь от турецкой осады. Это не могло не впечатлить христианский мир. Итальянские гуманисты XV в. (Пикколомини, Филельфо, Биондо и др.) создали ренессансный миф о Тамерлане как о великом государе, посланном Богом для сохранения порядка в мире и спасения христиан от турок (см.: *Meserve M. Empires of Islam in Renaissance historical thought. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2008. P. 216*).

верить, не поставлены в этот мир волей случая, но были посланы по воле Бога, украшенные им столькими редкими и выдающимися добродетелями, возвышенные до столь великого сана и власти, чтобы приносить порядок в дела человеческие, исправлять неправды людей, вводить благие законы и нравы, поощрять искусства, заставлять страшиться и почитать Бога. Многие надеются, что в их ряду отныне стоит христианнейший король Генрих Третий и что он не только восстановит во Франции столь желанное согласие, но возродит и исправит страждущий Христианский мир; к чему их побуждает восхищение его прошлыми делами и предвкушение будущих, каковые [чувства] он удивительно пробудил во всех землях и народах»⁶⁹.

Как мы видим, Ле Руа подчеркивал, что ожидания, связанные с Генрихом III, касались не только Франции, но и всего христианского Запада. Вероятнее всего, Ле Руа имел в виду пророчества об обретении Генрихом имперской короны, что позволило бы ему урегулировать политические и религиозные конфликты в Европе, установить новый «*Pax Augusta*». Еще с начала XIV в. представители французского королевского дома начали систематически претендовать на корону Священной Римской империи⁷⁰. Последние Валуа не были исключением, надеясь в своем соперничестве с Габсбургами на поддержку протестантских князей. В качестве кандидата на имперский трон рассматривался и Карл IX. Однако в Империи некоторые хотели видеть на троне Генриха Анжуйского. Эта идея одно время импонировала Екатерине Медичи, но встретила резкое противодействие со стороны Карла IX⁷¹. Резня в ночь Св. Варфоломея, ответственность за которую возлагали и на Генриха, казалось, сделала его притязания и вовсе невозможными. Однако избрание принца королем Польши привело к возрождению надежд⁷². По прибытии Генриха III во Францию, имперскую корону ему пророчили Габриэль Шапнуи, Клод д'Альбон, Жан-Антуан де Байф⁷³. Ле Руа, как мы видим, дистанцировался от подобных предсказаний («многие надеются»), но использовал их для того, чтобы усилить впечатление о Генрихе как о правителе, избранном для великих дел.

⁶⁹ *Le Roy L. De l'excellence...* F. 15r–v. Ср.: Aristote, *Le Roy L. Les Politiques...* P. 406.

⁷⁰ *Zeller G. Aspects de la politique française sous l'Ancien Régime.* Paris, PUF, 1964. P. 12.

⁷¹ В 1571 г. ландграф Вильгельм Гессен-Кассельский полагал, что в качестве кандидатуры на имперский трон лучше подходит Генрих Анжуйский, о чем сообщил королевскому послу Гаспару де Шомбергу, а затем в письме Екатерине Медичи. Идея понравилась королеве, о чем свидетельствует ее письмо епископу Дакса, послу в Константинополе. Однако Карл IX воспротивился этому проекту, приказав Шомбергу не упоминать о нем при дворах протестантских князей (*Ibidem.* P. 66–67).

⁷² *Ibidem.* P. 67.

⁷³ *Haran A. Le lys et le globe. Messianisme dynastique et rêve impérial en France aux XVIe et XVIIe siècles.* Seyssel: Champ Vallon, 2000. P. 136, 138.

Большая часть раздела «О христианнейшем короле Генрихе Третьем» была посвящена доказательствам добродетельности и избранности короля. Подчеркнув знатность, незаурядный ум, телесную красоту и молодость короля, Ле Руа сосредоточился на качествах, необходимых собственнo государям. Прежде всего он представил Генриха III как правителя опытного: «Великая удача для народа, когда он обретает короля зрелого, готового и наученного управлять делами государства; и, напротив, нет ничего опаснее, чем иметь такого, кто сам нуждается в другом, который бы им правил, или такого, кто, будучи невежественен и не подготовлен для дел, перекладывает их все на своих управителей»⁷⁴. Опытность, обретенная юным Генрихом в Королевском совете и на войне, – это то, что выгодно отличало его от предшественников, Франциска II и Карла IX.

Генрих III, по словам Ле Руа, обладал и иными важнейшими качествами, необходимыми совершенному правителю. Он доказал, что справедлив, владеет своими страстями, приветлив, любезен и щедр с окружающими, милостив к просителям, отважен на войне, великодушен к побежденным, благоразумен, прозорлив и находчив во всех делах, настойчив и терпелив в достижении своих целей, что проявилось в героическом путешествии в Польшу и обратно, когда ему пришлось сносить трудности и преодолевать препятствия долгой дороги, подчас немало рискуя⁷⁵.

Однако «первой» по важности добродетелью короля Ле Руа считал приверженность религии – «основе всех государств, истинной наставнице государей». Ле Руа подчеркивал, что король «с детства был столь воспитан в благочестии и набожности, что нет для него ничего дороже и важнее, чем божественная служба, в которой он участвует ежедневно с великой набожностью, как для того, чтобы исполнить свой долг, так и для того, чтобы подать пример благочестия другим...»⁷⁶. Есть свидетельства, что в детстве Генрих не был так крепок в католической вере⁷⁷. Однако позднее он всегда позиционировал себя как верного сына Церкви, хотя особой неприимостью не отличался⁷⁸. После возвращения из Польши, он ненадолго

⁷⁴ *Le Roy L. De l'excellence...* F. 16r.

⁷⁵ *Ibidem*. F. 18r–19r.

⁷⁶ *Ibidem*. F. 18r.

⁷⁷ Сестра Генриха, Маргарита де Валуа, в своих «Мемуарах» вспоминала, что во время диспута в Пуасси (1561), «когда весь двор склонялся к ереси», ее 10-летний брат «не смог избежать пагубного воздействия гугенотской религии и неуклонно убеждал меня изменить веру», «бросал в огонь мои часословы, а взамен давал псалмы и молитвенники гугенотов» (*Маргарита де Валуа* (1553–1615). Мемуары. Избранные письма. Документы / сост., пер., прим., публ. В. В. Шишкина. При участии Э. Вьенно и Л. Ангара. СПб: Евразия, 2019. С. 22). В 1563 г. испанский посол писал Филиппу II, своему суверену, что молодой герцог Орлеанский, кажется, потерян для Римской церкви, по обычаю гугенотов глумится над таинством причастия (*Knecht R. J. Op. cit.* P. 12–13).

⁷⁸ Несмотря на деятельное участие в событиях Варфоломеевской ночи, Генрих, как правило, демонстрировал терпимость по отношению к конкретным реформатам. Накануне отъезда в Польшу среди его камер-юнкеров были двое гугенотов – Жак де Ренти и Мишель

сблизились с иезуитами и начал выказывать признаки не характерного для него ранее истового благочестия. Один из очевидцев сообщал, что в конце сентября 1574 г. в Лионе, в часовне иезуитского коллежа, Генрих участвовал в мессе «с такой набожностью и слезами, что его духовник и капелланы, которые там присутствовали, пребывали все в смущении и изумлении»⁷⁹. В Авиньоне на Рождество король вместе с придворными даже принял участие в процессии флагеллантов⁸⁰. Не исключено, что, подчеркивая исключительное благочестие короля, Ле Руа вовсе не преувеличивал, находясь под впечатлением от нового поведения монарха.

Стремясь доказать избранность Генриха, Ле Руа указывал на признаки, свидетельствовавшие о божественном покровительстве монарху. Одним из таких признаков было необычайное совпадение дат важнейших событий: «И по всему явил Бог, что имеет великую заботу о его чести и спасении, благосклонно возведя его, чуть ли не в один год и тот же день, на престолы двух самых славных королевств мира: Польского – посредством избрания, и Французского – через наследование...»⁸¹. Ле Руа имел ввиду примечательный факт: день, когда Генрих был избран польским королем (11 мая 1573 г.), и день, когда он стал королем Франции (30 мая 1574 г.), пришлось на праздник Пятидесятницы (Сожествия Святого Духа). Этот факт часто подчеркивался современниками в панегириках по случаю возвращения, коронации и женитьбы короля⁸². Позднее Пьер де Летуваль отмечал: «...Король был рожден в день Пятидесятницы, стал королем Польши и сделался королем Франции в тот же день, который, казалось, предопределен ему на всякую удачу и процветание»⁸³.

Участие Генриха в войнах с гугенотами, через которые он прошел невредимым, его необычайный вояж в Польшу и обратно, завершившийся благополучно, также служили, по словам Ле Руа, верным доказательством богоизбранности монарха. Ведь именно Бог «могуществом своим

де Ла Югери (*Knecht R. J.* Op. cit. P. 70). Первый – гугенотский капитан, оборонявший Ла Рошель, второй – единственный протестант среди осаждавших (*Le Roux N.* Op. cit. P. 147).

⁷⁹ *Martin A. L.* Henry III and the Jesuit Politicians. Genève: Librairie Droz, 1973. P. 59.

⁸⁰ *Шевалье П.* Указ. соч. С. 415–416. Как подсчитали исследователи 43% книг в его личной библиотеке касались религии. Особое место в его библиотеке занимали труды испанского богослова-мистика Луиса де Гранада (1504–1588), проповедовавшего глубоко личную и сокровенную религиозность, не типичную для французских католиков. В то же время полемика между католиками и гугенотами, видимо, мало его интересовала и не была представлена в его библиотеке (*Knecht R. J.* Op. cit. P. 124)

⁸¹ *Le Roy L.* De l'excellence... F. 17v.

⁸² См., напр.: *Fumée A.* Panegyrique pour la bienvenue et retour du trèschrestien Henry, Roy de France et de Pologne. Paris: Chez Nicolas Chesneau, 1574. F. 11v; [*Anonyme*] Advertissement Dv Sacre, Covronnement, & Mariage du Treschrestien Roy de France & de Pologne Henry III. Avec un Epithalame. Lyon: par Benoïst Rigaud, 1575. P. 5.

⁸³ *L'Estoile P. de.* Mémoires-journaux: en 12 t. T. 1: Journal de Henri III (1574–1580) / Publiée par G. Brunet, A. Champollion, E. Halphen et autres. Paris: Librairie des bibliophiles, 1875. P. 297–298.

защитил его среди опасностей ратного дела и войны и уберег среди стольких иноземных народов, [отделенных от нас] такими обширными странами, отличными языками и нравами, такими значительными пространствами суши и моря, вернув его здоровым и невредимым в свою страну и королевство. Не явственные ли это знаки покровительства, которое всемогущий и бессмертный Бог явил ему, и Его особой милости к нему?» Таким образом, эта провиденциальная «удача» (*bon heur*), «которой до сего дня, нельзя отрицать, было много у этого государя», явно сближала Генриха III с великими государями прошлого, «предназначенными для руководства великими делами и для правления родом человеческим»⁸⁴.

Надежда на то, что избранный король избавит Францию от бедствий войн, конечно, не перерастала у Ле Руа в полную уверенность. Даже если Генрих III был избран и пользовался особым божественным покровительством, насколько оно постоянно? Ле Руа писал, что предпочитает говорить о «счастье» (*félicité*) короля «сдержанно по причине непостоянства и изменчивости человеческих дел и потому, что величайшие правители порой ввергаются в величайшие бедствия; мало найдется тех, даже среди почитаемых самыми удачливыми, от кого фортуна, долгое время благоприятствовавшая, однажды не отвернулась»⁸⁵. Лишенный высшего покровительства, правитель становится жертвой «непостоянства и изменчивости человеческих дел». Поэтому, призывал Ле Руа французов, «мы должны молить Бога, чтобы он был по отношению к нему постоянен, как ради спасения королевства, так и ради его успеха, надеясь, что с его возвращением и коронацией, дела будут быстро приведены в лучшее состояние»⁸⁶.

Надежда Ле Руа не устраняла неопределенности будущего. Поэтому ему оставалось лишь подкреплять надежду ссылками на уже достигнутые Генрихом успехи, проецируя их в грядущее: «Если же он совершил такие дела еще совсем юным и при другом [короле], на что французы могут надеяться сегодня, когда король он сам и когда годы добавили ему зрелости, а дела, которыми он руководил, — опыта? Можно не сомневаться, что, так как он явил себя, как было уже сказано, с ранней юности и до настоящего времени предрасположенным совершать всякие великие дела, так как по природе своей жаждет чести, так как Бог неизменно ему помогает, — прошлые успехи воодушевят его на новые предприятия, еще более великие. И тогда люди признают, что прошлые дела были совершены скорее благодаря намерению и разуму, нежели благодаря случаю или фортуне, убедившись, что он продолжит совершать подобные [дела] или еще более великие. В чем они мало сомневаются, смотря на те превосходные добродетели, которые уже начали недавно в нем проявляться и проявляются все более»⁸⁷.

⁸⁴ *Le Roy L. De l'excellence...* F. 19v.

⁸⁵ *Ibidem*. F. 19r.

⁸⁶ *Ibidem*. F. 19v.

⁸⁷ *Ibidem*. F. 17v–18r.

Эту надежду, хотя и без уверенности, но стойкую, Ле Руа выражал и впоследствии. Примерно через месяц он посвятил Генриху III сочинение «О превратности, или изменчивости, вещей во Вселенной» (королевская привилегия от 10 мая 1575 г.) как «первому королю этого века», «на доблесть и удачу которого все очень надеются, побуждаемые восхищением перед Вашими делами прошлыми и ожиданием будущих, которое Вы возбудили удивительным образом во всех землях и народах. И [ожидают] что Вы не только восстановите во Франции мир, столь необходимый после тех бурь распрей, столько раз возобновлявшихся, и былое достоинство королевства наиболее выдающегося и древнейшего из известных, но также возродите и восстановите истерзанный христианский мир»⁸⁸.

Завершение Пятой Религиозной войны (1574–1576) Ле Руа, очевидно, приветствовал. Но понимал ли он, насколько далека была ситуация от прочного мира? Эдикт в Больё (6 мая 1576 г.), выразивший волю Генриха III примирить своих подданных «в совершенном единении и согласии», фактически означал капитуляцию короля и победу гугенотов и «недовольных» во главе с Данвилем и Франсуа Алансонским. Гугенотам предоставлялась почти повсеместная свобода вероисповедания и многие иные гарантии и возможности⁸⁹. Такой мир не устроил ревностных католиков. Они были оскорблены, открыто нарушая ряд условий договора и объединяясь на местах в лиги, чтобы взять реванш⁹⁰.

Как раз в этот период, летом 1576 г., увидело свет последнее напечатанное при жизни произведение Ле Руа – второе издание перевода «Политики» Аристотеля. Как и первое издание 1568 г., оно посвящалось Генриху де Валуа, но теперь уже не как герцогу Анжуйскому, а как королю Франции. В предисловии-посвящении Ле Руа выражал надежду, что теперь, когда заключен мир, может быть установлено прочное согласие: «Истинно, сир, что при вашем восшествии на престол, когда Франция терзалась гражданскими волнениями, которые тогда возросли более, чем прежде, и разоренная предшествовавшими бедствиями, вы еще не могли полностью явить хорошее обхождение, которое желали им оказать, из-за злополучности времени. Но после того, как смуты были успокоены благодаря миру, который вы даровали, желая помочь истерзанному народу, все ожидают от вашего милосердия всякого счастья в грядущем и [надеются], что Бог, имея жалость к этому королевству, которую он всегда являл, особо выделяя его среди остальных, восстановит его через Вас, обратив

⁸⁸ *Le Roy L. De la Vicissitude ou Variété des Choses en l'Univers, et Concurrence des Armes et des Lettres par les premières et plus illustres Nations du monde, depuis le temps où a commencé la civilité et memoire humaine jusques à present...* Paris: Pierre l'Huillier, 1575 (см. посвящение королю: *Au Treschrestien Roy de France et de Pologne Henry Troisième du nom*; нет нумерации стр.).

⁸⁹ *Sutherland N. M.* Op. cit. P. 228–230; *Holt M. P.* Op. cit. P. 106–107.

⁹⁰ *Holt M. P.* Op. cit. P. 107.

злосчастный раздор, который ее бесконечно терзал, в прочное согласие и ужасную бурю гражданских войн – в вечное успокоение»⁹¹.

Однако ход дел в королевстве подчинялся иной логике. На Генеральных Штатах в Блуа (декабрь 1576 – январь 1577 г.) католическое большинство выступило за запрещение протестантского культа и восстановления религиозного единства, что неминуемо означало очередную войну. Генрих III был вынужден встать на сторону большинства⁹². Началась Шестая Религиозная война (1576–1577). До ее завершения Ле Руа не дожил двух с половиной месяцев, уйдя из жизни 1 июля 1577 г.⁹³

Надежды Ле Руа на Генриха III не оправдались, но они не были наивны. Истерзанная Религиозными войнами Франция в деле своего спасения могла рассчитывать лишь на королевскую власть, представленную королем из династии Валуа. Карл IX, с точки зрения Ле Руа, явно не соответствовал роли спасителя королевства. Свои надежды гуманист связывал с наследником престола – Генрихом Анжуйским, взошедшим на престол Франции под именем Генриха III. Именно этот король, по мнению Ле Руа, имел шансы в обозримой перспективе восстановить во Франции мир и религиозное единство мирными средствами. Считая своим долгом содействие усилиям Генриха III по умиротворению королевства, Ле Руа призывал соотечественников довериться и повиниться новому королю. Когда Франция была охвачена очередной междоусобной войной, когда часть католического дворянства заключила союз с гугенотами, создавшими независимую конфедерацию и настаивавшими на коренном преобразовании политических порядков королевства, гуманист полагал, что безусловное повиновение подданных королю-миротворцу – это первое и необходимое условие спасения страны. Случай Ле Руа показывает, какие возможности могли видеть «умеренные» католики, «политики» для урегулирования религиозного конфликта; на что они могли надеяться в условиях неопределённости; какую роль могли отводить себе в событиях, на ход которых, казалось, было невозможно повлиять.

РЕЗЮМЕ

Французский гуманист Луи Ле Руа (ок. 1510–1577) в период Религиозных войн (1562–1598) занимал умеренную позицию. Оставаясь в лоне Католической церкви, он дистанцировался от радикалов с обеих сторон, призывал французов к миру. Видя в королевской власти единственную силу, способную положить конец конфликту, гуманист размышлял

⁹¹ *Aristote, Le Roy L. Les Politiques d'Aristote, esuelles est monstrée la science de gouverner le genre humain en toutes espèces d'estats publics, traduites de grec en françois, avec expositions prises des meilleurs aucteurs...* Paris: par Michel de Vascosan, 1576. 494 p.

⁹² *Sutherland N. M. Op. cit. P. 247–255.*

⁹³ *Sciacca E. Op. cit. P. 35.*

о последних Валуа, оценивая их способности и шансы добиться прочного мира в королевстве. Карл IX (1560–1574), с его точки зрения, явно не соответствовал роли спасителя Франции, будучи незрел и слишком зависим от королевы-матери. Свои надежды Ле Руа связывал с наследником престола – Генрихом Анжуйским (1566–1574), взошедшим на престол Франции под именем Генриха III (1574–1589). Именно этот король, по его мнению, имел шансы в обозримой перспективе восстановить во Франции мир и религиозное единство мирными средствами. В драматических обстоятельствах 1574–1576 гг. Ле Руа считал своим долгом содействовать миротворческим усилиям короны, призывая соотечественников к доверию и повиновению новому монарху, поскольку видел в этом первое и необходимое условие спасения страны. Убеждая соотечественников быть лояльными королю, Ле Руа создал образ Генриха как монарха исключительного, который, вероятно, относится к тем великим правителям, которым Бог даровал способности и особое покровительство, дабы они правили во благо человеческого рода, устанавливая мир, справедливость, благочестие и процветание. Однако следует заметить, что Ле Руа не выражал абсолютной уверенности в успехе его миссии. Не присваивая себе роль пророка, гуманист лишь призывал французов не отчаиваться и молить Бога о том, чтобы он не оставил короля своим покровительством и милостью. На примере Ле Руа мы можем видеть, какие возможности для урегулирования религиозного конфликта видели «умеренные» католики, «политики»; на что они надеялись в условиях неопределенности; какую роль отводили себе в событиях, на ход которых, казалось, почти невозможно было повлиять.

SUMMARY

The French humanist Louis Le Roy (c. 1510–1577) devoted most of his life to studying ancient languages and translating ancient Greek authors. However, the Wars of Religion (1562–1598) turned him into a political publicist and thinker. Remaining within the Catholic Church, he distanced himself from the radicals on both sides and called on the French to make peace. Seeing royal power as the only force capable of ending the conflict, Le Roy reflected on the last Valois rulers, assessing their abilities and chances of achieving lasting peace in the kingdom. Charles IX (1560–1574), from his point of view, was clearly not up to the role of the savior of France, was immature and too dependent on the queen mother. The humanist placed his hopes on the heir to the throne, Henry of Anjou (1566–1574), who ascended the throne of France under the name of Henry III (1574–1589). It was this king, according to Le Roy, who had a chance to restore peace and religious unity in France by peaceful means. In the dramatic circumstances of 1574–1576, Le Roy considered it his duty to assist the Crown's peacemaking efforts, calling on his compatriots to trust and obey the new monarch. He saw obedience as the first and necessary condition for saving

the country. In persuading the French to be loyal to the king, Le Roy created the image of Henry as an exceptional monarch, likely belonging to those great rulers whom God has endowed with abilities and special protection, so that they may govern for the good of humankind, establishing peace, justice, piety, and prosperity. At the same time, it should be noted that Le Roy's hopes for the king did not mean absolute confidence in the success of his mission. Without assuming the role of a prophet, the humanist only called on the French not to despair and to pray to God that he would not abandon the king with his patronage and mercy. Le Roy's example shows what opportunities for resolving the religious conflict could be seen by «moderate» Catholics, «politiques»; what they might hope for in conditions of uncertainty; and what role they could assign themselves in events that seemed almost impossible for an individual to influence.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Гуманизм, эллинизм, Религиозные войны во Франции, гугеноты, королевская власть, Генрих III, Карл IX, Луи Ле Руа.

KEYWORDS

Humanism, hellenism, Religious Wars in France, huguenots, royal power, Henry III, Charles IX, Louis Le Roy.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Маргарита де Валуа (1553–1615). Мемуары. Избранные письма. Документы / сост., пер., прим., публ. В. В. Шишкина. При участии Э. Вьенно и Л. Ангара. СПб., 2019 [*Margarita de Valua* (1553–1615). Memuary. Izbrannye pis'ma. Dokumenty / sost., per., prim., publ. V. V. Shishkina. Pri uchastii Je. V'енно i L. Angara. SPb., 2019].

Самотовинский Д. В. Луи Ле Руа, или Ludovicus Regius, из Кутанса (портрет французского гуманиста XVI века) // *Cursor mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения* / отв. ред. В. М. Тюленев. Иваново, 2009. Вып. 2. С. 173–188 [*Samotovinskij D. V.* Lui Le Rua, ili Ludovicus Regius, iz Kutansa (portret francuzskogo gumanista XVI veka) // *Cursor mundi: chelovek Antichnosti, Srednevekov'ya i Vozrozhdeniya* / отв. red. V. M. Tyulenev. Ivanovo, 2009. Vyp. 2. S. 173–188].

Самотовинский Д. В. Судьба текста в судьбе гуманиста: работа Луи Ле Руа над французским переводом и комментариями к «Политике» Аристотеля // *Cursor mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения* / отв. ред. В. М. Тюленев. Иваново, 2024. Вып. 15. С. 133–147 [*Samotovinskij D. V.* Sud'ba teksta v sud'be gumanista: rabota Lui Le Rua nad francuzskim perevodom i kommentarijami k «Politike» Aristotelja // *Cursor mundi: chelovek Antichnosti, Srednevekov'ya i Vozrozhdenija* / отв. red. V. M. Tyulenev. Ivanovo, 2024. Vyp. 15. S. 133–147].

Софронова Л. В., Хазина А. В., Куликов А. О. Письмо Эразма Роттердамского Жану Дезмарэ // *Преподаватель. XXI век. М., 2014. С. 259–269* [*Sofronova L. V.*

Hazina A. V., Kulikov A. O. Pis'mo Jerazma Rotterdamskogo Zhanu Dezmarje // Prepodavatel'. XXI vek. M., 2014. S. 259–269].

Шевалье П. Генрих III. М., 1997 [Sheval'e P. Genrih III. M., 1997].

Шишкин В. В. В тени королевы матери? Итинерарии Карла IX Валуа // Путешествия европейских правителей в XVI–XVII веках / под ред. В. В. Шишкина. СПб., 2024. С. 118–134 [Shishkin V. V. V teni korolevy materi? Itinerarii Karla IX Valua // Puteshestviya evropejskih pravitelej v XVI–XVII vekah / pod red. V. V. Shishkina. SPb., 2024. S. 118–134].

Эльфонд И. Я. Тираноборцы. (Из истории французской политической мысли XVI в.) Саратов, 1991 [Jel'fond I. Ja. Tiranoborcy. (Iz istorii francuzskoj politicheskoj mysli XVI v.) Saratov, 1991].

Adler A. Jacques Amyot, Preceptor of Two Kings // Renaissance News. 1957. Vol. 10. Issue 3. P. 131–139.

[Anonyme] Advertissement Du Sacre, Covronnement, et Mariage du Treschrestien Roy de France et de Pologne Henry III. Avec un Epithalame. Lyon, 1575.

Aristote, Le Roy L. Les Politiques d'Aristote, esuelles est monstrée la science de gouverner le genre humain en toutes espèces d'estats publics, traduites de grec en françois, avec expositions prises des meilleurs aucteurs... Paris, 1568.

Aristote, Le Roy L. Les Politiques d'Aristote, esuelles est monstrée la science de gouverner le genre humain en toutes espèces d'estats publics, traduites de grec en françois, avec expositions prises des meilleurs aucteurs... Paris, 1576.

Beame E. M. The Limits of Toleration in Sixteenth-century France // Studies in the Renaissance. 1966. Vol. 13. P. 250–265.

Boucher J. Société et mentalités autour de Henri III. Paris, 2007.

Budé G. Traitté de la vénerie... traduit du latin en françois par Loys Le Roy, dict Regius... / publié pour la première fois, d'après le manuscrit de l'Institut, par Henri Chevreul. Paris, 1861.

Cabos A. Guy du Faur de Pibrac, un magistrat poète au 16e siècle (1529–1584). Paris, 1922.

Champion P. Catherine de Médicis présente à Charles IX son royaume (1564–1566). Paris, 1937.

Champion P. Charles IX, la France et le contrôle de l'Espagne: 2 t. T. 1. Paris, 1939. [Charles IX] Livre du roy Charles de la Chasse du Cerf / éd. H. Chevreul. Paris, 1859.

Crescenzo R. Sébastien Castellion et Loys Le Roy: deux approches raisonnées de la violence interconfessionnelle au début des guerres de religion // Savoirs en lien [Online]. 2022. №1. URL: <http://preo.ube.fr/sel/index.php?id=226> (consulté le 2 février 2025).

De Smet I. Philosophy for Princes: Aristotle's Politics and its Readers During the French Wars of Religion // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 2013. Vol. 76. P. 23–47.

Duclos M.-L. Louis Le Roy, entre monarchie mixte et absolutisme ou l'idéal à l'épreuve des guerres de Religion // Cahiers poitevins d'Histoire du droit. 2007. № 1. P. 51–70;

Falkovskaya I. L'irénisme de Louis Le Roy. Entre philosophie grecque et réalité française // Les dialogues interreligieux / ed. par N. Breton et al., Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2018. P. 107–118.

- Fumée A.* Panegyrique pour la bienvenue et retour du trèschrestien Henry, Roy de France et de Pologne. Paris, 1574.
- [*Henry III*] Declaration du Roy pour faire entendre son intention & volonté enuers ceux qui par cy-deuant se sont esleuez, & ont pris les armes, ou se sont absentez de ce Royaume: & qui se voudront à present disposer à recevoir grace de sa Maiesté. Paris, 1574.
- Gundersheimer W. L.* The Life and Works of Louis Le Roy. Genève, 1966.
- Haran A.* Le lys et le globe. Messianisme dynastique et rêve impérial en France aux XVIe et XVIIe siècles. Seyssel, 2000.
- Holt M. P.* The French Wars of Religion, 1562–1629 / 2nd ed. Cambridge; New York, 2005.
- Le Roy L.* A Monseigneur le Duc d'Anjou et de Bourbon, Conte de Forestz, frere du Roy treschrestien Charles IX. de ce nom, chef de son conseil et Lieutenant general de sa Majesté // *Le Roy L.* Consideration sur l'histoire françoise, et l'universelle de ce Temps, dont les merveilles sont succinctement recitées. A Tresvertueuse et Excellente Dame Madame Catherine Royne de France, Mere du Roy treschrestien Charles IX de ce nom... Paris, 1567.
- Le Roy L.* Au Roy Treschrestien Charles IX. de ce nom // *Le Roy L.* Consideration sur l'histoire françoise, et l'universelle de ce Temps, dont les merveilles sont succinctement recitées. A Tresvertueuse et Excellente Dame Madame Catherine Royne de France, Mere du Roy treschrestien Charles IX de ce nom... Paris, 1567.
- Le Roy L.* De l'excellence du Gouvernement royal. Avec exhortation aux François de perseverer en iceluy, sans chercher mutations pernicieuses. Paris, 1575.
- Le Roy L.* Exhortation aux François pour vivre en concorde et jouir du bien de la paix... Project ou dessein du Royaume de France, pour en représenter en dix Livres l'estat entier, sous le bon plaisir du Roy. Les Monarchiques de Loys Le Roy, ou de la Monarchie et des choses requises à son établissement et conservation... Paris, 1570.
- Le Roy L.* Les Enseignemens d'Isocrates et de Xenophon auteurs anciens très excellens pour bien regner en paix et en guerre, traduits de grec en françois... au Roy très chretien Charles IX. Paris, 1568.
- L'Estoile P. de.* Mémoires-journaux: 12 t. T. 1: Journal de Henri III (1574–1580) / Publiée par G. Brunet, A. Champollion, E. Halphen et autres. Paris, 1875.
- Ludovici Regii Constantini* Orationes duae habitae Parisiis mense Octobri, 1575... Lutetiae, 1575.
- Ludovici Regii Constantini* Prolegomena politica. Inter quae prima est oratio ab eo habita Parisiis initio professionis regiae, in enarratione Politicorum Aristotelis... Lutetiae, 1575.
- Magno L.* Apologie étatique et concorde religieuse. Sur quelques pamphlets de Loys Le Roy // Krypton. Identità, potere, rappresentazioni. Apologie. 2013. Vol. 1. P. 6–16.
- Martin A. L.* Henry III and the Jesuit Politicians. Genève, 1973.
- Mellet P.-A.* Les traités monarchomaques: confusion des temps, résistance armée et monarchie parfaite, 1560–1600. Genève, 2007.
- Meserve M.* Empires of Islam in Renaissance historical thought. Cambridge, Mass., 2008.

Rees V. Quo vertam oculos utte laudem: Aspects of praise in Ficino's writing // *Laus Platonicus Philosophi: Marsilio Ficino and His Influence* / Ed. by S. Clucas, P. J. Forshaw, V. Rees. Leiden; Boston, 2011. P. 45–66.

Richter B. L. O. The Thought of Louis Le Roy according to his Early Pamphlets // *Studies the Renaissance*. 1961. Vol. 8. P. 173–196:

Sciacca E. Umanesimo e scienza politica nella Francia del Cinquecento. Loys Le Roy. Firenze, 2007.

Sutherland N. M. The Huguenot Struggle for Recognition. New Haven, Conn., 1980.

Zeller G. Aspects de la politique française sous l'Ancien Régime. Paris, 1964.